

Сергей БОРОВИКОВ

ТРЕТИЙ

Когда в 1983 году Николая Благова назначили главным редактором журнала «Волга», я решил уволиться с должности заведующего отделом прозы по собственному желанию, что его удивило: ведь у нас были прекрасные отношения, несколько лет мы делили на двоих общий кабинет, и он долго уговаривал меня остаться. Но я отчётливо понимал, что делаю.

Очень хорошо зная обстановку вокруг редакции, вызванную скандалом с публикацией статьи М. Лобанова «Освобождение» в октябре 1982 года и увольнением Палькина и Дедюхина, предвидя грядущие препоны в работе со стороны обкома и прекрасно изучив Благова, был уверен, что всё это продлится недолго. А у меня тогда сошлись эти внешние обстоятельства и необходимость домашнего пребывания. Недавно родился второй сын, старший был в огнеопасном подростковом периоде, а их мать жаждала поскорее сменить домашние обязанности на служебные. И ещё имелся договор на книгу об Алексее Н. Толстом в престижной серии «Библиотека “Любителям российской словесности”» московского издательства «Современник», аванс за которую был давно истрачен, а срок сдачи рукописи приближался. Так что никаких сомнений, несмотря на благовские уговоры и неодобрение моего поступка в обкоме, у меня не было. Оказалось, что я чаянно выиграл в том, что избежал жуткой атмосферы в редакции, дописал книгу, которая благополучно вышла, много, и смею думать с пользой, занимался домом и детьми, и уж совсем нечаянно в том, что спустя год сам стал главным редактором «Волги».

Недолгое пребывание Благова в редакторском кресле началось с того, что он забыл явиться в назначенный день и час в обком для официального утверждения, в чём там углядели непозволительное фрондёрство, отказываясь верить, что Николай Николаевич забыл, а не пренебрёг, но я уверен, что действительно забыл.

Как-то Шундик (не без давления своего зама М.П. Котова) решил укрепить в редакции дисциплину. На собрании с соответствующей повесткой досталось всем, в т.ч. и мне, но ярче всех там были Благов и технический редактор Антонина Тимофеевна Тимохина. Если остальные, кто как мог, врали и оправдывались, то эти двое признались в причинах прогула: Тося была в парикмахерской, а Благов на охоте. И сделали это под общий смех.

Шундик – вставшей, густо накрашенной и надушенной, Тимохиной:

– Почему вас не было в четверг на работе?

Она, возбуждённо поправляя причёску:

– Я, я... я не была.

– Это я знаю и спрашиваю: почему?

– Не была я.

И так до признания.

Шундик – вставшему огромному Благову:

– Я, Николай Николаевич, пытаюсь достучаться до вашей совести. Почему вы неделю отсутствовали?

– Отсутствовал, да.

И т.д.

Другой раз обсуждали его на собрании в СП за выпивки с последствиями типа *сигналов* в райком. Благов слушал-слушал, и вдруг, вскочив, прочитал с выражением:

*Поймали птичку голосисту
И ну сжимать её рукой.
Пищит бедняжка вместо свисту,
А ей твердят: «Пой, птичка, пой!»*

Вообще же пил он не так много, но по-русски чередуя воздержание с загулами.

Как-то в маленьком кафетерии на углу Чернышевского и Октябрьской он, Дедюхин, тогда временно непьющий и угощавший Благова, и я пили дешёвое красное сухое «Алжирское» из больших бутылок-огнетушителей. Благов, впервые после длительного перерыва вкусивший алкоголь, восторженно повторял со своим заметным оканьем:

– Хорошо! Ох, хорошо, Борис!

Борис же время от времени понюхав стакан с «Алжирским», заключал:

– Говно! Чистое говно!

Я этой оценки не разделял, мне вино не казалось таким уж скверным, думаю, все-таки сказались французские колониальные корни. Но у «Алжирского» было много недоброжелателей, которые утверждали, что доставляли его в Союз танкерами, в которых поставляли в Алжир нашу нефть.

Но вернусь в 1983-й, когда стал заправлять в редакции назначенный вместо Дедюхина заместителем главного редактора Ю.В. Зверев. До Благова был он даже и.о. гл. редактора, что много говорит об уровне тогдашней обкомовской «идеологии»; ведь именно Зверев как инструктор отдела культуры обкома курировал «Волгу» и недавно одобрил крамольную публикацию статьи Лобанова. Но никак не был наказан и даже направлен в провинившуюся редакцию для укрепления и в перспективе руководства ею.

Здесь уместно вспомнить, что у Благова уже был семь лет назад шанс возглавить журнал, когда Н.Е. Шундика взяли в Москву «на повышение» – секретарём правления Союза писателей РСФСР по национальным литературам. В то время влиятельнейшим саратовским писателем был Григорий Коновалов, очень любивший Благова, которого знал ещё студентом по Ульяновскому пединституту, где преподавал. Весьма авторитетный и в Москве Григорий Иванович предложил редактором «Волги» поставить Благова. И Правление СП, в чьем ведении была «Волга», и её первый редактор Шундик – все его поддержали. Дело шло к назначению, но на пути затеи вдруг встал Саратовский обком партии. И не потому, что там были против Благова, а потому что там были за Палькина. И не только по общей партийной к нему и его песенной музе симпатии, а потому, что ближайшим другом Палькина был секретарь обкома по пропаганде и агитации В.А. Родионов. Они заружились еще в Балашове, где даже жили на одной лестничной площадке. Было известно, что без взаимного обсуждения ни тот, ни другой ничего важного не предпринимали. (Шундик, отметим, с Родионовым враждовал.)

Итак: за Благова Коновалов и Москва, за Палькина Родионов и обком. Если кит на слона залезет, кто кого поборет?

Поборола коноваловская трусость.

Как-то на крыльце поликлиники, по старинке называемой в городе «партактивской», встретились Коновалов и первый секретарь обкома Шибаев, который сказал: «Ну что, Григорий Иванович, значит Палькин у нас редактор, так?»

И стало так.

Обиженный и не желавший быть у Палькина в подчинении Благов весной 1976 года вернулся в Ульяновск. Там после него писателями руководил В.И. Пыров. А так как именитый Благов не мог оставаться без оплачиваемой должности, то Пырова из

секретарского кресла убрали. Поэтому, читая в воспоминаниях И. Васильцова о нежной дружбе его отца с Благовым, я позволю себе усомниться. И потому, что четырёхлетний тогда Ваня вряд ли что соображал, и потому, что слышал от Владимира Ивановича слова о нетоварищеском поведении Благова, и потому, что наблюдал их не всегда дружеские отношения в недолгий период благовского редакторства.

Лишив Пыркова должности, то есть прежде всего зарплаты в сто девяносто, что было тогда немало, рублей, Благов проявил обычный для него, какой-то, я сказал бы рассеянный, детский эгоизм. Вспомню на этот счёт один случай.

Лето, жара. Николай Николаевич идёт в редакцию, а я на конечной остановке поджидаю троллейбус, он меня не видит, направляясь к газировочному автомату, где уже нацелился опустить монетку старик. Благов его не то что отпихнул, а просто не заметил, легко сдвинув в сторону своим огромным корпусом. Хватил залпом стакан и удалился, провожаемый в спину стариковскими проклятиями, которые если и услышал, к себе, конечно, не отнёс. Он прошагал, повторяю, в двух шагах от меня, так и не заметив.

А в 1976-м на поэзию Палькин взял саратовца Владимира Бойко. Как и почему тот ушел от старого приятеля, я уже рассказывал в своей книге «Пустая полка» («Волга», 2018. №7-8). После Бойко заведующим отделом поэзии стал, переехав для этого из Ульяновска в Саратов, тот же Пыров.

Но вернёмся к годовичному (1983-84) редакторству Благова. Надо заметить, что тогда, продолжая публиковаться в «Волге», я имел дело только со Зверевым, к Благову заходя лишь поболтать.

Разным я видал его в бытность зав отделом, часто задумчивым, иногда смешным, реже сердитым, но никогда таким растерянным, каким он предстал, когда впервые я зашел к нему в огромный редакторский кабинет, где ранее и потом сам провёл столько разных часов. Никогда не понимал причин этой стометровой площади. Может быть, они и не в тщеславии первого редактора, а в том, что помещение изначально предназначалось не редакции журнала, которого в год постройки дома ещё не было, а общественному туалету.

В новеньком дорогом костюме, видимо купленном к должности женой в Ульяновске, в новеньких блестящих и скрипящих туфлях сорок пятого размера, Благов расхаживал по кабинету с папиросой. Плох был откровенно растерянный взгляд, вопросы невпопад. (Впрочем, слушать он никогда не умел.) После первого свиданья с Благовым-редактором моё мнение о скоротечности его пребывания в должности укрепилось.

Недруги говорили потом, что пошел он в редакторы с надеждой на обещанную ему Коноваловым, а в Москве и Бондаревым, Госпремию. Но не был Николай Николаевич человеком расчета. Уверен, что главную роль во всем сыграл Коновалов, имевший на Благова беспредельное влияние, и, с возможной для этого человека искренностью, любивший его. Даже жена Коновалова, суровая и жёсткая Бети Ефремовна относилась к Благову с нескрываемой нежностью.

Уговорили.

Я назвал свой очерк по номеру редакторства Благова.

А поэтом в Саратове он был, конечно, первым. Да и в России не последним.

О его поэзии есть немалая критическая литература, мною не читанная. Жаль, если сохраняется традиция заносить его лишь по сельскому ведомству. Главным в его стихах была метафора. Свежая, броская, но естественная, словно бы природная.

Я не умею писать о поэзии. За долгие годы написал в «Волге» лишь дважды: о Сергее Чудакове и Яне Сатуновском. И о благовском стихе не буду. Вспомню когда-то восхитившие строки.

О вспоминающей погибших сыновей матери:

*И каждый
обещал, что возвратится,*

*и каждый
на груди своей унёс
пятно большое материнских слёз,
что, высыхая, morицилось на ситце.*

Приближал поэт и классические образы:

*Стынет Ярославна,
Замерзает.
Покрывала –
Снегом покрова.
Знает Ярославна:
Заползает
Это холод вдовства в рукава.*

Сельское:

*И вымя над травой несёт корова,
Пыль прошивая ниткой молока.*

*Как ребятаишки пятками босыми
В садах тяжелых яблоки стучат.*

О лесной чаще:

*Тропинкой, из корней сплетённой,
Пугливо проишурован бор.
И чьи-то,
Как ни повернитесь.
Сверлят затылок вам глаза.*

Строки о Волге напомнили мне Пастернака:

*Волга полнилась без угрозы.
Серой ночью, чуть звеня ледком:
Сразу, как от плотника с мороза,
Сизым потянуло холодком.*

Или:

*Навсегда остановилась Волга
Каспия грохочущей слезой.*

Или:

*Дорогой лунной захлестнуло пристань,
Бегучие разбило беляки,
Как будто с кручи тополь серебристый
Вальнули ночью поперёк реки.*

Это всё из сборника «Звон наковальни» (1971), на котором написано: «Сергею Боровикову с почтением к его крепнущему критическому слову».

В «Волге» он много печатался при Шундике, немного при своем редакторстве, и никогда при Палькине. Когда однажды прислал тому новые стихи, Николай Егорович делился неудовольствием: непонятно! И протянул лист: «Как по-твоему?» По-моему было хорошо, сразу запомнил строки из стихотворения про старика на постели, а в солнечном луче плавают пылинки:

*Уткнулся луч,
Как столбик ртутный,
И гонит душу в высоту.*

Как относились к Благову тогдашние саратовские стихотворцы?

Назову их: Тобольский, Малохаткин. Богатырёв, Гришин, Бойко, Булгин, Каримова, Чернышев, ну и понятно, Палькин и Пырков.

Кто-то из них не заслуживает никаких слов, кто-то, как Тобольский и Палькин, потопили природную одарённость в производстве оплачиваемых строк и безудержном советском пиаре, кто-то, как Пырков, словно стыдился быть смелее в строке, перед кем-то, как одарённым Малохаткиным, вставляли преградой малая грамотность, соединённая с большим пьянством и безудержной тягой к деньгам.

Думаю, они не могли не сознавать первенства Благова, а уж вели себя в отношении него по-разному в зависимости от личных свойств и обстоятельств. Похвалы в его адрес я слышал разве что от Тобольского.

Что ещё? Из любимых по нашим разговорам его поэтов помню Есенина и Пастернака. Я был тогда в стадии разочарования Есениным, на что он спокойно сказал: «Это у тебя возрастное. Пройдёт».

Вообще же позиций в литературе он был твердых. Как-то дал ему почитать присланную статью поощрённым Палькиным критика Н. Буханцова из разряда суперпатриотов. Прочитав, Николай Николаевич воскликнул: «Это уж на пути к тридцать седьмому!»

Открывать таланты любил. Помню, как носился с Ириной Беликовой (?) из Мелекеса, без конца повторяя её строку «Предвкушением полёта ломит крылья за спиной».

После 1983 года почему-то ни разу его не встретил, хотя, конечно, мы одновременно бывали на съездах и других совписовских сборищах.